

ЯЗЫКИ, ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КАВКАЗА**К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ИЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ А.Н. ГЕНКО
«АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК.
ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НАРЕЧИЯ ТАПАНТА»****П.К. Чекалов**

Затрагиваемая в данной работе проблема никогда ранее не становилась предметом исследования специалистов, что объясняется двумя основными причинами. 1. Профессор А.Н. Генко при жизни дважды подвергался арестам и умер в тюрьме, и эти факты не способствовали популяризации его научного наследия; 2. Не хватало документов, проливающих свет на историю создания и издания первой монографии об абазинском языке. Сейчас А.Н. Генко реабилитирован (1991), а обнаруженные в самое последнее время архивные материалы позволяют воссоздать почти детективную историю выхода в свет монографии ленинградского ученого.

Из рукописного предисловия к монографии «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта» (при издании предисловие было снято) мы знаем, что с конца 1927 по весну 1929 года Анатолий Несторович занимался научным изучением абхазского языка и тогда же подготовил рукопись «Грамматики абхазского литературного языка». Считая ашхарский диалект абазинского языка северо-абхазским или зеленчукским наречием абхазского языка, Генко захотел восполнить уже готовую рукопись абазинскими параллелями. Именно для того, чтобы решить задачи сравнительно-диалектологического характера он в августе 1929 г. предпринял поездку по абазинским аулам Черкесской автономной области и набрал солидный полевой материал, тогда же частично обработанный. По признанию самого Анатолия Несторовича, собранные материалы он использовал в различных университетских курсах по горскому языкознанию, которые читались им в Ленинградском государственном университете [12, л. 8].

Когда же осенью 1932 года Г.П. Сердюченко, заведующий лингвистическим отделом Горского научно-исследовательского института (Ростов-на-Дону) и одновременно заместитель председателя Северо-Кавказского краевого комитета нового алфавита, обратился к Анатолию Несторовичу с просьбой предоставить для публикации статьи по горским народам, наряду с исследованиями по убыхскому и чеченскому языкам Генко предложил «тексты фольклорного характера с переводом и комментарием, словарь, грамматический очерк» абазинского языка. Тогда же он высказал желательность «уточнить и углубить материалы, собранные в 1929 г. поездкой на места», которая могла быть осуществлена не ранее июля 1933 года [9, л. 87].

На тот момент абазинский язык оставался одним из самых не изученных, вследствие чего Сердюченко идею поддержал и способствовал тому, что в сентябре – начале октября 1933 г. состоялась еще одна научная экспедиция

ленинградского ученого в абазинские аулы. Поэтому Генко счел нужным в конце предисловия к монографии выразить благодарность Георгию Петровичу и подчеркнуть, что последняя поездка была предпринята по его непосредственной инициативе [12, л. 8].

После завершения командировки Анатолий Несторович выступил с отчетом о проделанной работе на совместном совещании научного совета Горского научно-исследовательского института и краевого комитета нового алфавита (Ростов-на-Дону). И самая первая фраза Анатолия Несторовича *«Имея поручение от Сев. Кав. К.К.Н. [Северо-Кавказский краевой комитет Нового] Алфавита и Горского Научно-Исследовательского Института подготовить к началу 1934 года научную грамматику абазинского языка (наречия Тапанта), очерк абазинской диалектологии и словаря...»* не оставляет сомнения в том, что решение о необходимости создания монографии было обговорено заранее [10, л. 1].

Во время обсуждения доклада Сердюченко взял слово и поставил вопрос об установлении конкретной даты предоставления рукописи монографии: «Теперь нам нужно только записать здесь срок. Анатолий Несторович обещал нам к первому января 34 года. Сейчас он просит дать отсрочку на два месяца. Нам нужно этот вопрос решить. Нам важно, чтобы этот материал вышел из печати в мае-июне, чтобы школа могла использовать его в смысле подготовки к следующему учебному году...». Генко на это возразил: «Я позволю напомнить т. Сердюченко, что, когда речь шла об январе, как сроке выполнения мною окончательно обязательства, то предполагалось, что самая поездка состоится не в октябре, а в июне. Не правда ли?»

Для директора института на тот момент вопрос о сроках, видимо, приоритетным не являлся, и, не углубляясь в прения, предложил: «Давайте, товарищи, на этом закончим». Сердюченко же настаивал: «Нужно записать, что срок к первому марта или к первому января. Но, помимо этого, просить Анатолия Несторовича к первому декабря дать статью об абазинско-абхазском склонении. Нужно от него получить подтверждение, что он это обещание выполнит.

Буркин: Подтвердим. Больше нет предложений?» [10, л. 26-27].

В принципе, обсуждение вопроса на этом завершилось. Прошло около восьми месяцев, но Горский институт рукописи абазинской грамматики не дождался. И тогда директор послал Анатолию Несторовичу раздраженное письмо:

«28.05.34.

Академия Наук СССР. Институт Востоковедения. Профессору Генко.

Согласно заключенному Вами с Горским научно-исследовательским институтом договору, Вами должна быть предоставлена к 15 марта 34 года в готовом для печати виде работа «Абазинский язык».

По договоренности с тов. Сердюченко срок предоставления В/работы был отложен до 25 мая.

Работа до сих пор Институтом не получена.

Горский институт настоятельно просит с получением этого отношения немедленно выслать В/работу в адрес Института.

В случае неполучения В/работы в ближайшие дни Институт принужден будет расторгнуть заключенный с Вами договор с вытекающими отсюда последствиями.

Ждем обещанных Вами дополнительных материалов по абазинской орфографии.

Директор Института Буркин» [11, л. 16].

О реакции профессора можно судить по обнаруженному в Институте восточных рукописей (Санкт-Петербург) черновику ответа:

«17 июня 1934 г. Ленинград.

Сегодня прибывший из Ростова тов. Павленко передал мне отношение С.К. [Северо-Кавказского] Горского Института, предлагающее под угрозой расторжения договора выслать рукопись Абазинской грамматики «в ближайшие дни». Имею сообщить по сему поводу о нижеследующем.

Согласно устной договоренности с представителем Института, т. Сердюченко, я обязался привезти собственноручно рукопись грамматики в Ростов (в связи с предполагавшимся моим приездом на краевую конференцию Нового Алфавита) к 25 мая с.г. Рукопись около 10 листов, законченная мною в условленный срок, а именно – в последние дни предполагавшегося отъезда (22 числа) не могла быть по понятным причинам своевременно написана во втором экземпляре (запасном), что не вызывало у меня особых опасений в виду намерения моего лично доставить ее по назначению. После того, как выяснилось, что конференция откладывается – о чем мне стало известно лишь за несколько дней до намеченного срока – для меня, естественно, встал вопрос о необходимости застраховать свой труд от случайности и сохранить у себя проверенный текст своего труда, потребовавший в виду его сложности медленной и тщательной переписки, каковая близится в настоящее время к концу – самое позднее 22-23 июня.

В виду того, что в аналогичном положении находится и другая менее существенная часть работы – текстовые приложения, которые потребуют еще около 2-3 недель на переписку, прошу не отказать в любезности уведомить меня безотлагательно, удовлетворяет ли Институт вышеизложенные объяснения или же нет. В последнем случае кропотливая работа по выверке предстоящей под моим наблюдением переписке текстов потеряет свою срочность, и я смогу посвятить свое время другим очередным занятиям.

Проф. Генко» [5, л. 138].

Из ответного письма видно, что Анатолий Несторович был человеком достоинства и никому, даже тем, от кого зависела судьба его исследования, не позволял говорить с собой назидательно, а тем более – угрожающе. Он, скорее,

готов был отказаться от будущей книги, чем сносить повелительный тон по отношению к себе.

Но здесь позволим себе сделать небольшое отступление в иную сферу.

В одном из писем Л.Б. Панек, жена А.Н. Генко, обронила фразу о муже: «Анатолий работает с семи утра до 10 вечера» [1, с. 64]. То есть – 15 часов кряду изо дня в день! Невероятная самоотдача! И письма А.Н. Генко подтверждают, что это не пустословие:

«...Я был с 18 по 25 июля в Москве для утверждения <...> моего проекта цахурского алфавита, с 31 июля по 7 октября я провел свое время в Дагестане и Азербайджане в экспедиционных работах, с 17 по 23 октября опять в Москве с докладом о результатах проведенного мною обследования табасаранской письменности. Что касается того времени – всего примерно месяц <...>, когда я находился в Ленинграде, то здесь я был сплошь занят 1) чтением и исправлением (по существу же писанием заново) безобразной корректуры <...> статьи моей для Вашего злополучного сборника «Языки Северного Кавказа»; 2) писанием в сверхударных темпах статей (числом около 20) по различным народностям Кавказа для издаваемого спешно <...> «Списка языков и народностей СССР», 3) писанием в начале октября спешно же ответной статьи на возмутительную рецензию на меня В. Дондуа, а также к прискорбию и В. Абаева, воспроизводящую анахронически переход 1930-1932 гг. <...>, 4) проверкой и корректированием <...> тех статей по кавказским народностям, написанных не мною <...>.

...Сейчас мне, по решительному и категорическому мнению моего врача, требуется максимальная осторожность и экономия, чтобы не сказать более, расходования сил, ибо я на грани в лучшем случае – временной нетрудоспособности: не отдохав уже 3 года по существу ни одного дня (написав, в частности, за 1934 г. около 40 печатных листов (из них 9/10 якобы для сверхспешного печатания, что, как выяснилось, «не совсем» соответствует действительности), я должен, тем не менее, успеть дать к началу 1935 г. свыше 20 листов «Табасаранской грамматики», которую будто бы (мало верю, конечно) Академия совместно с ВЦКНА [Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита] будут сразу же печатать <...>. Этого мало: я имел слабодушие поддаться настояниям Коримасова и Анте... [фамилии неразборчивы] совершить поездку в декабре в Махач-Калу и Грозный по поручению ВЦКНА, а по смыслу моих обязательств по отношению Наркомпроса Азербайджана январь частично уйдет на занятия с цахурским... Нужно ли добавлять, что я предпочитаю не думать о завтрашнем дне и уповаю слепо на то, что всё «как-нибудь образуется» вопреки печальной действительности» [6, л. 1].

60 печатных листов за один только год! В переводе на стандартные страницы это составляет около 1500! И это не считая многочисленные разъезды, время, потраченное на экспедиции и отчеты за командировки! При такой колоссальной нагрузке не мудрено было основательно подорвать свое здоровье в не полные 40 лет. Но приведенные фрагменты свидетельствуют не только об исключительной производительности ученого, но и о необычном

природном даре, без которого даже при самой феноменальной работоспособности выдать столько научной продукции невозможно ни при каких обстоятельствах.

Непомерная перегруженность ученого не давала ему возможности своевременно выполнить свои научные обязательства, и он вынужден был оправдываться перед чиновниками, которым важно было соблюсти букву договоренности.

Теперь вернемся к ответу Генко Буркину 17 июня 1934 г. и тезисно обозначим суть письма:

- рукопись книги объемом около 10 листов была закончена 22 мая;
- в силу сложившейся необходимости отправлять рукопись почтой пришлось заняться ее перепиской, которая должна завершиться 22-23 июня;
- переписка текстовых приложений займет еще около 2-3 недель.

Как же в действительности обстояли дела?

Не совсем так, как излагалось в письме.

Сохранился черновик рукописи монографии. Материалы представляют собой четыре тетради по 24 страницы, исписанных очень мелким почерком. Тетради образованы из сложенных вдвое обычных листов желтой газетной бумаги форматом А4. Так вот: в верхней части первой тетради проставлены даты: «6-V-34 – 26-VI-34» [2, л. 2]. На оборотной стороне 81 страницы записано: «Конец первой части. 27 июня 1934 г. 5 ч. 51 м. утра» [2, л. 81 об.]. После этого Анатолием Несторовичем были дописаны еще 5 страниц: с 82 по 86. Таким образом, в действительности рукопись была завершена в самом конце июня 1934 года. И окончательный ее объем (без предполагавшихся изначально текстовых приложений и словаря, которые, вероятно, обозначали собой вторую часть) равнялся 14,5 печатных листов.

Анатолий Несторович не уложился в отведенные договором сроки (15 марта), не уложился и в сроки, достигнутые по устной договоренности с Сердюченко (25 мая). Задержав подготовку рукописи на месяц, ему потом понадобилось еще некоторое время для перепечатки. В результате Горский научно-исследовательский институт получил рукопись монографии А.Н. Генко в июле 1934 года. Сам Генко говорил об этом в «Отзыве на статью Г. Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке»: «...Автор статьи [Г.П. Сердюченко], в те годы (1932-1937) один из руководящих работников Северо-Кавказского краевого научно-исследов. института и Северо-Кавказского комитета нового алфавита, *заказал мне и в июле 1934 года получил довольно обширную грамматику абазинского языка 14 1/2 печ. листов*» [3, л. 4].

Тогда, конечно, чиновники от науки должны были быть раздосадованы тем, что профессор нарушил поставленные ими плановые сроки, но для самой науки ни тогда, ни сейчас это ровно никакой роли не играло. Для нее, науки, важное значение имело лишь суть уникальной, пионерской работы. Даже с учетом того, что какую-то предварительную обработку собранного материала Генко проводил еще во время самих экспедиций, колоссальный труд его неполных двух месяцев не может не поразить воображения! Бегло очертим круг

основных вопросов, освещенных им в своей монографии: общие сведения об абазинах (расселение, общая численность, взаимоотношения с абхазами, историческое прошлое, история существующих селений, классификация языков и наречий «абаза»), особенности звуковой системы языка, кабардинское влияние на национальную фонетику, абазинский алфавит (гласные, согласные, сонорные, спиранты, взрывные, аффрикаты), явление ассимиляции, слог и его виды, ударение, интонация, словообразование и словоизменение, омонимия, морфемы и их виды, понятие синтагмы, классификация частей речи, междометия, местоимения, существительные, прилагательные, причастия, деепричастия, глагол, наречие, послелого, числительные, союзы и частицы, словосочетания и предложения... И это все – впервые за многовековую историю абазин!

Ответственным редактором издания предполагался И.И. Мещанинов. Сохранился бланк «Паспорта рукописи», собственноручно заполненный и подписанный академиком:

«Краткая аннотация: Работа представляет в форме грамматического очерка подробную фонетику, морфологию и краткий обзор основных явлений синтаксиса литературного наречия абазинского языка Тапанта, служащего главным орудием языкового общения для абазинской части населения Черкесской Автономной области на Северном Кавказе. Автор не ограничивается в своем изложении простым описанием литературного наречия абазинского языка, но систематически привлекает для сравнения и объяснения описываемых явлений факты ближайше родственных языков Северного Кавказа – абхазского и черкесского. Работа основана на материалах, собранных автором по поручению Академии наук на месте путем двукратного посещения Черкесской области в 1929 и 1933 г.

Акад. И. Мещанинов (подпись).

Краткое заключение: Будучи первой научной грамматикой абазинского языка, работа доктора языкознания А.Н. Генко, уже много лет специализировавшегося на изучении горских языков Северного Кавказа, имеет двустороннее значение – практически-прикладное и теоретическое. Существующая с 1932 г. абазинская национальная письменность лишена до сегодняшнего дня научных пособий по языку, насущно необходимых для успешного разрешения ряда языковых задач, стоящих перед абазинской школой. С другой стороны, абазинский язык представляет значительный интерес теоретический в рамках как специально яфетического, так и общего языкознания по своеобразной его фонетической и морфологической структуре. Потребность в издании подобной грамматики давно и остро сознавалась, вследствие чего инициатива написания настоящей работы принадлежала в 1932 г. местным северо-кавказским организациям.

Подпись ответственного редактора: акад. И. Мещанинов (подпись)» [2, л. 1-1 об.].

Итак, в июле 1934 года рукопись монографии Генко была готова, академик Мещанинов обоснованно рекомендовал ее к изданию. Что же дальше?

Два с половиной года она пролежала без всякого движения, после чего *копия* рукописи была возвращена автору для внесения некоторых поправок. По словам Генко, «работа потребовала кропотливой выверки и исправления, закончена еще в январе сего года [1937] и находится в переписке; предполагаю, что переписка будет закончена через несколько дней и выслана в Пятигорск¹ (объем работы около 16 печ. листов) не позднее первой половины апреля месяца» [7, л. 1 об.].

Но и после доработки рукопись книги, которую столь строго требовали от автора, не была издана ни в 1937-м, ни в последующие годы.

Тем временем был подготовлен к выпуску сборник научных работ «Языки Северного Кавказа и Дагестана», куда была включена и статья Г.П. Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». В начале ноября 1940 г. материалы издания попали на рецензию к Генко. Познакомившись с ними, профессор высказался против публикации статей Егорова, Касаева и Сердюченко. Обо всем этом становится известно из письма Мещанинова на официальном бланке Института языка и мышления им. Марра, директором которого он тогда являлся:

13 февраля 1941 № 97

ПРОФЕССОРУ Анатолию Несторовичу ГЕНКО

Ввиду того, что в Вашей рецензии на Сборник «Языки Северного Кавказа и Дагестана» есть прямое указание, что статья проф. Г.П. Сердюченко «воспроизводит с некоторыми грубыми ошибками в дополнениях, сделанных автором... соответствующую главу» Вашей работы «Очерк грамматики абазинского языка» «без указания источника заимствования», дирекция Института [не разборчиво] просит Вас передать на [не разборчиво] дня в распоряжение Института Вашу рукопись «Очерк грамматики...» с указанием тех мест, на основании которых Вы сделали Ваши выводы о работе проф. Г.П. Сердюченко.

Институт просит также представить обоснования Ваших возражений против напечатания статей т.т. Егорова и Касаева.

Институт чрезвычайно заинтересован в выяснении вышеуказанных вопросов, так как Сборник выходит под совместной маркой Института языка и мышления им. Марра и Ростовского Пединститута и под редакцией директора Института языка и мышления им. Марра акад. Мещанинова.

Директор Ин-та академик: (подпись) (И.И. Мещанинов).
Ученый Секретарь (подпись) (С.Л. Быховская) [3, л. 1].

И тогда, в феврале 1941 года, Анатолию Несторовичу пришлось на 21 машинописной странице изложить развернутое обоснование своего отрицательного отзыва. Основная мысль его сводилась к тому, что в статье

¹ Краевой центр к тому времени переместился в г. Пятигорск.

Георгия Петровича нет «ни одной самомалейшей крупинки оригинального», а все приводимые в ней факты с конкретными примерами взяты из рукописи книги самого Генко [3, л. 1], которая вот уже почти 8 лет находится в руках Сердюченко. Таким образом, Анатолий Несторович уличил автора статьи в прямом плагиате, в специальном приложении к отзыву на *14 машинописных страниц* (!) приводя конкретные примеры заимствований.

Показав множество погрешностей и изъянов статьи Сердюченко, Анатолий Несторович вынужден был прекратить анализ в виду невозможности «перечислять просто *грубые и грубейшие недочеты, которыми кишат* и дальнейшие строки разбираемой статьи, да это, пожалуй, и излишне. Могу резюмировать свое мнение о статье выводом: *автор не знает или почти не знает того языка, об особенностях которого он взялся информировать русских читателей на страницах серьезного научного издания, и я считаю долгом предостеречь от помещения подобной работы в академическом издании*» [3, л. 4].

Не удовлетворившись этим, Генко напомнил плагиатору необходимость соблюдения профессиональных и этических правил: должностное лицо организации одним фактом заказа другому лицу специального исследования **совершенно неизвестного в науке предмета** и получением в свои руки готового исследования ставит себя в безусловно очевидную моральную и юридическую невозможность использования результатов чужого труда без риска быть обвиненным в злоупотреблении оказанным ему доверием; нельзя публиковать работы совершенно тождественного с заказанным трудом содержания до появления труда пионера в печати [3, л. 6].

Напомним, что эти прописные истины приходилось повторять одному из руководящих работников Северо-Кавказского краевого научно-исследовательского института и Северо-Кавказского комитета нового алфавита.

О научной недобросовестности Сердюченко свидетельствует и более поздняя публикация (1949) специалиста по абазинскому языку, доктора филологических наук К.В. Ломтатидзе. Не вдаваясь в подробный анализ работы, воспроизведем некоторые тезисы из нее:

«Проф. Г. Сердюченко сплошь и рядом искажает действительное положение вещей» [20, с. 169];

«Нет возможности исчерпать в наших замечаниях все случаи подобных искажений в упомянутых статьях проф. Г.П. Сердюченко» [20, с. 169];

«Проф. Г.П. Сердюченко путает времена глагола» [20, с. 169];

«Проф. Г.П. Сердюченко путает местоименно-притяжательные префиксы в данном случае с личными префиксами переходного глагола» [20, с. 172-173];

«Сердюченко обнаруживает полное незнание соответствующих фактов» [20, с. 173];

«Статьи проф. Г.П. Сердюченко не свободны и от противоречий» [20, с. 175];

«В рассмотренных нами работах профессора Г.П. Сердюченко нет почти ни одного положения, которое восходило бы к автору, профессору Г.П. Сердюченко, и не являлось бы спорным» [20, с. 178];

«Даже из того, что отмечено нами выше, с несомненностью следует, что, во-первых, автор рассмотренных нами работ, проф. Г.П. Сердюченко, рекомендуя себя в качестве единственного специалиста по абазинскому языку, не владеет, – говоря мягко, – исследуемым им материалом и поэтому он не в состоянии разобраться даже в элементарных фактах абазинского языка.

Во-вторых, автор, проф. Г.П. Сердюченко, грубо попирая элементарные требования этики советского научного работника, обходит молчанием работы, имеющиеся в его распоряжении и явно им используемые, и позволяет себе даже отрицать их существование» [20, с. 178].

Укажем на то, что К.В. Ломтатидзе была прекрасным знатоком абазинского языка: в 1944 году она выпустила монографию «Тапантский диалект абхазского языка», а в следующем году по этой же теме защитила докторскую диссертацию. Отметим и следующее: когда Кетеван Виссарионовна говорила о имеющихся в распоряжении Сердюченко научных работах, она имела в виду не монографию Генко, а собственные исследования. При всем том, что вывод грузинского ученого близко перекликался с заключением ленинградского профессора, необходимо заметить: публикация Ломтатидзе с отзывом Генко никак не была связана. Таким образом, двое ученых совершенно независимо друг от друга дали уничижительную оценку научной состоятельности третьего лица. И еще одна немаловажная деталь: разгромная статья Ломтатидзе появилась в печати через три года после того, как Г.П. Сердюченко защитил докторскую диссертацию по абазинскому языку (1946).

В «Вестнике Академии наук СССР» по этому поводу сообщалось:

«В развернутом исследовании (600 страниц) на тему «Язык абазин (очерк диалектов, фонетика, морфология, тексты и словарь первичных корней)» подробно изложены общие сведения об абазинах и история изучения абазинского языка, дана характеристика абазинских диалектов и впервые детально описана абазинская фонетика, вокализм и консонантизм. Автор излагает законы абазинского словообразования, освещает основы, на которых построена абазинская письменность, и знакомит с ее историей. Главное внимание в диссертации сосредоточено на всестороннем освещении абазинской морфологии, причем дана подробная характеристика всех частей речи в абазинском языке и показаны его основные синтаксические особенности. После раздела морфологии следуют абазинские тексты с подробным комментарием и словарь первичных корней. Диссертантом приведена подробная литература по вопросу.

По отзыву официального оппонента члена-корр. АН СССР Н.К. Дмитриева, работа проф. Сердюченко «представляет подлинный вклад в науку кавказского и, в известной степени, также и общего языкознания». Занимаясь в течение многих лет изучением абазинских диалектов и принимая активное участие в создании абазинской письменности и учебной литературы для школ, проф. Сердюченко выступает не только как теоретик абазинского языка, но и как практик, как методист его преподавания. В диссертации собран по

первоисточникам редкий новый для науки материал, представленный в стройной, глубоко продуманной научной системе.

Проф. Сердюченко дает впервые исчерпывающее монографическое описание абазинского языка, сопоставляя его факты с языковыми фактами абхазского, адыгейского и кабардинского языков. Материал диссертации содержит много данных и по общелингвистическим проблемам.

Другой официальный оппонент проф. Н.Ф. Яковлев считает, что диссертация представляет собой «капитальный труд по малоизученному и почти неизвестному кавказоведческой науке языку и является работой крупного научного значения».

Актуальность работы проф. Сердюченко и ее значение для кавказского языкознания отметил в своем отзыве также третий официальный оппонент доктор филологических наук Л.И. Жирков.

Ученая степень доктора филологических наук была присуждена проф. Сердюченко единогласно» [8, с. 129].

Однако необходимо заметить, что диссертация Сердюченко ничего оригинального по сравнению с работами Генко и Ломтатидзе не представляла. Более того, она во многом пересказывала «своими словами» содержание подготовленной к печати еще в 1934 году книги Анатолия Несторовича Генко. Определенная часть научной общественности догадывалась об этом, вследствие чего в 1949 г. была создана экспертная комиссия в составе профессоров Чемоданова, Бокарева, Лаврова, сверившая докторскую диссертацию Сердюченко с рукописью А.Н. Генко и пришедшая к выводу о том, что «в работе Г.П. Сердюченко оказались материалы и соображения А.Н. Генко без соответствующих ссылок». И это заключение было зафиксировано в составленном комиссией акте [19, с. 216], однако ученой степени доктора наук Сердюченко не лишили, а впоследствии он стал даже член-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Почему все это стало возможно?

Вернемся в 1933 год и вспомним, что во время обсуждения отчета Генко о поездке в абазинские аулы Сердюченко, помимо утверждения сроков представления рукописи монографии, вменял в обязанность Анатолия Несторовича «к первому декабря дать статью об абазинско-абхазском склонении» [10, л. 26]. Позже появилась идея запросить от профессора еще статью об абазинской орфографии. И сохранившаяся переписка дает представление о том, что Сердюченко являлся чиновником строгим и требовательным. 9 марта 1934 г. он от лица Горского института просил Генко выслать материал по орфографии не позднее 15 марта [11, л. 6]. Через четыре дня он же направил телеграмму:

«Ленинград Академия Наук Институт Востоковедения Генко

Срочно высылайте абазинскую орфографию.

13.03.34.

Сердюченко» [11, л. 18].

Вслед за этим полетела еще одна:

«Ленинград Академия Наук Институт Востоковедения Генко

Высылайте срочно Орфографию. Срывается работа. Сердюченко» [11, л. 24].

Тексты телеграмм наглядно демонстрируют настойчивость, с которой Сердюченко добивался выполнения поставленной перед Генко задачи. Наверно, существовала объективная необходимость в том, чтобы материалы как можно скорее оказались в его руках. Неизвестно, как сложилась судьба статьи по абазино-абхазскому склонению, а вот большая работа по абазинской орфографии Анатолием Несторовичем была выполнена: 26 страниц этого начисто переписанного от руки труда сохранились в архиве Института восточных рукописей. После завершения работы проект орфографии был выслан Георгию Петровичу. *И она не была опубликована. Не только в 1934 году, а – вообще.* Куда же испарилась «объективная необходимость» выполнения заказа? Зачем нужно было терроризировать ученого, если результаты его труда не требовали срочного опубликования? Вопросы повисают в воздухе без ответа.

Прошло четыре года. 9 апреля 1938 года Анатолий Несторович был подвергнут аресту сотрудниками НКВД. 13 мая новый абазинский алфавит и орфография были утверждены народным комиссаром по просвещению РСФСР. Их автором явился не кто иной, как Г.П. Сердюченко. Уже во второй половине 1938 г. он выпустил брошюру под названием «Абазинский алфавит и орфография на русской графической основе». Тогда же он опубликовал статью «Об абазинских диалектах». После освобождения из заключения в самом начале 1940 г. Анатолий Несторович познакомился с публикациями Сердюченко и понял, что последний, пользуясь изоляцией автора, беззастенчиво использовал его материалы и разработки в собственных целях: «Из первой из названных работ я убедился в педагогической действительности своих проектов абазинской орфографии 1933 и след. годов, из второй – об удовлетворительном усвоении автором соответствующей части моей грамматики и способности к изложению диалектологических данных абаз. языка своими словами и без больших ошибок» [3, л. 5].

Но это было не все. Как говорилось выше, в ноябре 1940 г. в составе сборника «Языки Северного Кавказа и Дагестана» Генко обнаружил статью Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». Тогда же в своей рецензии Анатолий Несторович обвинил Сердюченко в том, что тот с некоторыми грубыми ошибками воспроизводит соответствующую главу его монографии без указания источника заимствования [3, л. 1]. Академик Мещанинова потребовал письменных разъяснений, в ответ на что Анатолий Несторович написал большой отзыв с выводом об отсутствии у Георгия Петровича «самомалейшей крупинки оригинального» [3, л. 1] с подробным сопоставительным изложением перенятого у него материала.

После такого прямого со всеми доказательствами обвинения в плагиате, казалось бы, должен был разразиться грандиозный скандал, после которого уже ничто не могло спасти научную репутацию Сердюченко. К сожалению, мы не обладаем никакими документами, свидетельствующими о том, что против Сердюченко были применены хоть какие-то меры воздействия. Если что-то и

было предпринято, как можно догадаться, отнюдь не радикального свойства. А последующие события (начало Великой Отечественной войны в июне 1941 г., второй арест Генко 1 сентября, его смерть в тюремном больничном изоляторе 26 декабря того же 1941 года, после чего имя и труды ученого были преданы забвению) и вовсе развязали руки любителю легкой наживы. По монографии А.Н. Генко Сердюченко оформил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук и в 1946 году защитил ее. По словам Л.Б. Панек, жены А.Н. Генко, это стало возможно потому, что диссертант находил сильную опору в лице некоторых крупных специалистов, прекрасно знавших все обстоятельства дела, но стоявших на его стороне [13].

И, тем не менее, когда Лидия Борисовна узнала о состоявшейся защите диссертации, она вступила в борьбу за установление истины и в первой половине января 1947 г. передала в партбюро Института Языкознания Академии наук СССР документы, изобличавшие новоиспеченного доктора наук, в том числе и отзыв Генко о статье Сердюченко «Личные местоимения и местоименные префиксы в абазинском языке». Из сохранившегося письма В.К. Тотрова становится ясно, что поначалу все шло обнадеживающе: «Дело приняло хороший оборот и разрешится в положительном плане, т.к. правда всегда всплывает, когда ее ищут. Наш «профессор» все избегает «очной ставки» его диссертации с работой Вашего Анатолия Несторовича, везде старается, ходит как кот вокруг горячей каши. Но мне кажется, ему ничего не поможет. <...> Он сам себя разоблачает тем, что боится экспертизы» [14].

Как отмечалось выше, экспертная комиссия отметила в акте простую истину о том, что «в работе Г.П. Сердюченко оказались материалы и соображения А.Н. Генко без соответствующих ссылок» [19, с. 216]. Когда же и этот вывод никакого действия не возымел (вероятно, благодаря «сильной опоре в лице некоторых крупных специалистов»), Лидия Борисовна предприняла попытку опубликования монографии мужа. Она передала машинописный экземпляр книги «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта» в Институт языкознания Академии наук СССР. Ученый совет одобрил рукопись и рекомендовал включить ее в план изданий 1953 г. Однако препятствием к печатанию явилось то обстоятельство, что автор был репрессирован. Лидии Борисовне пришлось обращаться в Ленинградское отделение НКВД с просьбой выдать справку о том, что муж ее «не был осужден». Она просила ускорить разрешение вопроса в связи с тем, что «работа эта, один экземпляр которой оставлен был мужем еще до войны у редактора, будет печататься уже под именем присвоившего его редактора» [15].

Тем временем к работе над рукописями Генко была подключена К.В. Ломтатидзе, крупный специалист по абхазскому и абазинскому языкам. Изучив материал монографии, Кетеван Виссарионовна пришла к заключению:

«Данную работу автор написал в начале 1934 г. (она является первым опытом изучения речи тапантинцев). За это время далеко шагнуло вперед языкознание у нас. <...> Но и в том виде, какой она имеет теперь, эта работа составляет большой научный интерес, в ней много новых мыслей. Если б она

была бы издана своевременно, безусловно, оказала бы положительное влияние на исследование абазинской речи.

Следует здесь же отметить, что *эта работа находилась «в пленении» у одного из создателей аракчеевского режима проф. Г.П. Сердюченко*, который, не будучи специалистом абхазско-абазинской речи, *использовал ее и издал отдельные главы ее, как свои работы*, изменив в некоторой степени изложение и внося туда антинаучные положения «нового учения о языке».

Таковыми пересказами отдельных глав данной работы проф. А.Н. Генко являются, как это теперь выясняется, «статьи» Г.П. Сердюченко:

– «Об абазинских диалектах» (Сб. памяти Н.Я. Марра, Москва, 1938).

– «Абазинская Фонетика» (Ученые записки Ростовского на-Дону Государств. университета им. В.М. Молотова, т. V. Труды историко-филологич. факультета, вып. 2, Таганрог, 1947 г.).

– «Абазинские местоимения» (Там же).

– «Переходные и непереходные глаголы в абазинском языке». (Язык и мышление. XI, Москва-Ленинград, 1948 г.).

– «О словообразовании в яфетических языках Западного Кавказа» (Ученые записки Кабард. научн.-исслед. института. Нальчик, 1949 г.).

– «Словарь простейших звуко сочетаний» («Русско-абазинский словарь», Ставрополь, 1950 г.) и другие.

В этих статьях Г.П. Сердюченко повторяет даже и те ошибки, которые были допущены А.Н. Генко в своей монографии. <...>

Судя по данной работе А.Н. Генко, его безусловно можно было считать лицом, хорошо ориентированным в особенностях абазинской речи!

Итак, издание работы А.Н. Генко и сейчас, после выхода в свет специальной монографии о тапантском диалекте, мы считаем весьма полезным» [4, л. 6-10].

Рецензия была составлена 22 апреля 1951 года и отослана академику Виноградову, но дело продвигалось медленно. Лишь в мае 1954 года стало известно, что книга принята в производство. Сообщая об этом, Кетеван Виссарионовна предупреждала Лидию Борисовну: «Но это не значит, что кое-кто не помешает этому делу. Вы обязательно должны следить за ходом дела. Мне сообщат, если какое-либо изменение будет иметь место, и постараюсь довести это дело до конца, но Ваши права в этом деле не ограничены. Вы должны быть всегда готовы для каких-либо сюрпризов со стороны «уважаемого» Г.П. <...>».

Что друзья помогают Г.П. издать «грамматику» я тоже узнала, тем более надо поторопиться с изданием труда Ан. Нест-а» [16].

Возвращаясь в другом письме к личности Сердюченко, Кетеван Виссарионовна отмечала: «Достаточен и тот факт, что *он защитил докторскую диссертацию чужой работой и задерживает издание работы проф. А.Н. Генко*» [17]. В этом же письме отчетливо была заявлена гражданская позиция и кредо грузинского ученого: «На меня Вы всегда могли и можете положиться. За правду я всегда готова бороться» [17].

В следующем письме Кетеван Виссарионовна сообщала о том, что вычитала, подписала и выслала корректуры в издательство в конце сентября 1955 г. [18].

Таким образом, многострадальная монография профессора Генко через 21 год после своего завершения увидела свет в издательстве Академии наук СССР под названием «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта» в самом конце 1955 года.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов С.А., Волкова Н.Г., Сергеева Г.А. Вклад А.Н. Генко в этнографическое изучение Кавказа // Советская этнография. – 1987. – № 3. – С. 61-72.
2. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 8.
3. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 78.
4. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 90.
5. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 138.
6. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 141.
7. *Архив Института восточных рукописей (СПб)*. – Ф. 74. – Оп. 1. – Ед. хр. 142.
8. *Вестник Академии наук СССР*. – 1946. – № 11 – 12. – С. 129.
9. *Государственный архив Ставропольского края*. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 41.
10. *Государственный архив Ставропольского края*. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 50.
11. *Государственный архив Ставропольского края*. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 57.
12. *Государственный архив Ставропольского края*. – Ф. 1260. – Оп. 1. – Ед. хр. 258.
13. *Копия письма Л.Б. Панек Георгию Александровичу (?) от 15.01.1947 г.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
14. *Копия письма В.К. Тотрова Л.Б. Панек от 19.3.47 г.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
15. *Копия заявления Л.Б. Панек Уполномоченному Ленинградского отделения НКВД.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
16. *Копия письма К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 26.05.1954 г.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
17. *Копия письма К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 26.03.1955 г.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
18. *Копия письма К.В. Ломтатидзе Л.Б. Панек от 24.10.1955 г.* Из домашнего архива Г.А. Генко.
19. *Лавров Л.И.* Памяти А.Н. Генко // Кавказский этнографический сборник. Т. V. – М., 1972. – С. 213-222.
20. *Ломтатидзе К.В.* Некоторые замечания на работы проф. Г.П. Сердюченко по абазинскому языку // Труды Абхазского научно-исследовательского института им. акад. Н.Я. Марра. – Сухуми, 1949. Т. XXIII. – С. 165-178.

УДК 811.352.1

DOI: 10.31143/2542-212X-2017-2-73-88

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ИЗДАНИЯ МОНОГРАФИИ А.Н. ГЕНКО «АБАЗИНСКИЙ ЯЗЫК. ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК НАРЕЧИЯ ТАПАНТА»

П.К. ЧЕКАЛОВ

*Ставропольский краевой институт развития образования, повышения квалификации и переподготовки работников образования
355007, г. Ставрополь, ул. Трунова, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов воссоздается история возникновения и издания первой научной грамматики абазинского языка. В статье отмечается, что профессор А.Н. Генко провел две полевые экспедиции в абазинских аулах Черкесии, в результате чего в июле 1934 г. подготовил и передал для издания в Горский научно-исследовательский институт рукопись монографии «Абазинский язык. Материалы для характеристики. Грамматический очерк языка Тапанта». Она оказалась в руках заведующего лингвистическим отделом Горского института Г.П. Сердюченко, но ни в 1930-е, ни в 1940-е гг. книга не была выпущена. В апреле 1938 г. А.Н. Генко подвергся аресту и заключению в тюрьму. После освобождения в январе 1940 г. ученый узнал, что, пользуясь изоляцией автора, Сердюченко опубликовал три статьи по абазинской тематике, в которых использовал его научные материалы. Анатолий Несторович уличил Сердюченко в плагиате, указав, что в трудах последнего нет «самомалейшей крупицы оригинального». После второго ареста (1 сентября – 26 декабря 1941 г.) и последовавшей смерти имя и труды профессора были преданы забвению. Сердюченко воспользовался сложившимися обстоятельствами, оформил докторскую диссертацию по рукописи монографии Генко и защитил в 1946 году. Это вынудило Л.Б. Панек, вдову Анатолия Несторовича, издать монографию мужа, вследствие чего передала машинописный экземпляр книги в Институт языкознания. Ученый совет одобрил рукопись и рекомендовал включить в план изданий. К работе была подключена К.В. Ломтатидзе, крупный специалист по абхазскому и абазинскому языкам, с помощью которой многострадальная монография под названием «Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта» вышла в издательстве Академии наук СССР в самом конце 1955 года.

Ключевые слова: Генко; Сердюченко; абазинский язык; монография; грамматика; архив; плагиат.

THE HISTORY OF CREATION AND PUBLICATION OF A.N. GENKO'S MONOGRAPH «ABAZA LANGUAGE. GRAMMATICAL SKETCH OF THE DIALECT OF TAPANTA»

P.K. CHEKALOV

*Stavropol Regional Institute of a Development of Education, Professional Development and Retraining of Educators
355007, Stavropol, Trunov street, 71
E-mail: chekalov58@rambler.ru*

Abstract. On the basis of archival materials the history of the origin and publication of the first scientific grammar of the Abaza language is reconstructed. The article notes that Professor A.N. Genko has conducted two field expeditions in Abaza villages of Circassia, with the result that in July, 1934, the manuscript of the monograph «Abaza language. Materials for characteristics. Grammatical sketch of the language of Tapanta» was prepared and submitted for publication to the Mountain Research Institute. It was in the hands of the head of the linguistic Department of the Mountain Institute G.P. Serdyuchenko, but the book was not published either in the 1930s or in the 1940s. In April 1938, A.N. Genko has been arrested and imprisoned. After his liberation in January 1940, the scientist found out that, using the isolation of the author, Serdyuchenko published three articles on the subject of Abaza, in which his research materials were used. Anatoly Nestorovich

caught Serdyuchenko at plagiarism, stating that in the writings of the latter there is «not a smallest grain of originality». After his second arrest (1 September – 26 December 1941) and the subsequent death the name and the works of the professor were forgotten. Serdyuchenko took advantage of the circumstances, issued his doctoral thesis on the basis of the manuscript of Genko monograph and defended it in 1946. This forced L.B. Panek, the widow of Anatoly Nestorovich, to publish a monograph of her husband. With this aim she handed the typewritten copy of the book to the Institute of Linguistics. The academic Council has approved the manuscript and recommended that it should be included into the publication plan. K.V. Lomtadze, a prominent specialist on the Abkhaz and Abaza languages took part in this work, and at last the long-suffered monograph entitled «Abaza language. Grammatical sketch of the dialect of Tapanta» was issued by the USSR Academy of Sciences Publishing House at the end of 1955.

Key words: Genko; Serdyuchenko; Abaza language; monograph; grammar; archive; plagiarism.